

ПРЕДИСЛОВІЕ.

С К А З К И.

Какъ отрадно, въ дождливую декабрьскую погоду, когда подурнѣвшіе отъ холода прохожіе торопливо бѣгутъ, сталкиваясь на углахъ панелей, а рѣзкій сѣверный вѣтеръ, какъ разъяренная кошка, бросается на запоздавшихъ оборванцевъ, уныло плетущихся по твердымъ камнямъ дорогъ,—какъ отрадно было бы вновь пережить прошлое, вновь стать ребенкомъ и, съжившись у тлѣющаго камина, въ теплѣ уютныхъ комнатъ, дать отдохнуть утомленнымъ жизнью глазамъ, освѣживъ ихъ чарующей прелестью старыхъ книгъ съ картинками, которыя когда-то,—давно-давно,—дарились намъ, и какъ сладко было бы вновь умѣть повѣрить въ сказки!..

Волшебныя сказки, замѣненные теперь описаніями путешествій и научныхъ открытій, чудесныя исторіи, обращающіяся къ серд-

цу черезъ посредство воображенія и располагавшія къ состраданію искусно возбуждаемой жалостью къ химерическимъ принцесамъ, преисполняли восторгомъ мою трепетную и очарованную дѣтскую душу, и первые годы моей жизни протекли въ царствѣ феевъ и мечты. Какъ горячо жалѣю я дѣтей теперешняго поколѣнія, которыя читають Жюля Верна вмѣсто Перро и Фламмаріона, вмѣсто Андерсена! Практичные родители этой дѣтвѣры не знаютъ, какую юность они готовятъ этимъ будущимъ велосипедистамъ. Нѣтъ ни одной сколько-нибудь тонкой эмоціи, въ основѣ которой не лежала бы любовь къ чудесному: душа пейзажа таится цѣликомъ въ болѣе или менѣе населенной образамъ памяти путешественника, и для того, кто не желаетъ и вмѣстѣ не боится увидѣть на опушкѣ лѣса Оріану, Титанію среди цвѣтущихъ дроковъ и Мелузину у ручья, нѣтъ ни горъ, ни лѣсовъ, ни пробужденія зари на ледникахъ, ни сумерекъ надъ прудами.

Можетъ ли человѣкъ, не знающій Гомера, Эсокрита и Софокла, дѣйствительно стремиться въ Грецію и Сицилію? И развѣ для того, чтобы любить Средиземное море, эту

огромную чашу расплавленного сапфира, той утонченной любовью, какую питалъ къ нему Поль Арентъ, не нужно слышать еще кое-что, помимо пѣнія цикадъ вокругъ разбросанныхъ среди оливковыхъ рощъ хибарокъ, да криковъ провансальскихъ моряковъ на реяхъ? Чарующую прелесть Неаполитанскому заливу придаетъ воспоминаніе о Партенопѣ, и если на берега Средиземнаго моря каждую зиму является столько скептиковъ и равнодушныхъ, то это потому, что прозрачная лазурь его волнъ въ былые дни баюкала и нѣжила опутанную водорослями перламутровую наготу сиренъ.

Итакъ, надо любить сказки, откуда бы онѣ ни являлись къ намъ, изъ Греціи или Норвегіи, изъ Швабіи или Испаніи, изъ Бретани или съ Востока. Это цвѣтуція миндальныя деревья юнаго воображенія: вѣтеръ унесетъ лепестки, жизнь развѣетъ грезу, но что-то останется, и это что-то принесетъ плодъ, который будетъ благоухать всю осень. Кто не вѣрилъ ребенкомъ, не будетъ мечтать, ставъ юношей; и нужно позаботиться о томъ, чтобы еще на порогѣ жизни запасть мягкими коврами изъ прекрасныхъ грезъ, которые укра-

сятъ наше жилище при наступленіи зимы; а сладкія мечты, даже и поблекнувъ, пышнымъ узоромъ расцвѣтятъ намъ унылый декабрь.

Надо любить сказки, надо питаться и опьяняться ими, какъ неопаснымъ легкимъ виномъ, терпкій букетъ котораго, съ мнимымъ привкусомъ сладости, не улетучивается, а остается, лаская вкусъ и туманя голову, и этотъ-то букетъ по окончаніи пира удерживаетъ иногда пресытившагося гостя за столомъ.

Признаюсь, лично я питалъ къ этимъ нынѣ отвергнутымъ и презираемымъ сказкамъ чувство страстнаго обожанія. То были туманныя сказки, напоенныя луннымъ сіяніемъ и дождемъ, усыпанныя хлопьями снѣга,—сказки Сѣвера, такъ какъ я лишь въ поздніе годы жизни позналъ волшебство южнаго солнца.

На берегу неугомоннаго сѣро-зеленаго океана, вѣчно изрѣзаннаго пѣнистыми гребнями волнъ, въ осаждаемомъ западными вѣтрами маленькомъ прибрежномъ городкѣ, провелъ я все свое дѣтство. Начиная съ ноября, непрестанно налетали шквалы и бури, а по ночамъ

море тяжелыми валами перекачивалось черезъ молы, зловѣще завывая, какъ гигантскія совы. Сказки, которыя намъ рассказывали бородатые моряки, въ высокихъ мокрыхъ сапогахъ, доходившихъ до половины бедра, какъ и они, были пропитаны запахомъ тумана, талаго снѣга, дегтя и моря. Въ нихъ больше говорилось о почвахъ, чѣмъ объ утреннихъ зоряхъ, о кораблекрушеніяхъ при лунномъ свѣтѣ, чѣмъ о веселыхъ кавалькадахъ въ румяныя утра. Но я любилъ ихъ грусть, сквозь которую пробивалась нѣсколько наивная вѣра въ чудесное, дышащая надеждой и отчаяніемъ, любилъ эту поэзію простой души, страшившейся слѣпой силы стихій, но смягченной тоской по родинѣ и обрѣтающей бодрость въ неослабной вѣрѣ въ возвращеніе.

Эти жуткія сказки, дѣйствующія лица которыхъ всю ночь скакали по оконнымъ занавѣскамъ моей комнаты, ознаменовывали прибытіе въ гавань ньюфаундлендцевъ, возвращеніе въ семью мужей, отцовъ и братьевъ, и въ городкѣ наступало ликование. То былъ моментъ вечернихъ посидѣлокъ, хожденій изъ дома въ домъ по плохо освѣщеннымъ ули-

цамъ, время сборищъ у камелька вокругъ чашъ съ горячимъ сидромъ, молодымъ сидромъ, который пили съ корицей, объѣдаясь капитанами. И сколько чудесныхъ исторій рассказывалось на этихъ сборищахъ!

У насъ они происходили на кухнѣ. У кухарки всегда бывалъ мужъ или сынъ на Ньюфаунлендѣ, у горничной—родной или двоюродный братъ, а то и женихъ на Исландіи, и среди городской буржуазіи установился обычай разрѣшать родственникамъ служанокъ приходить къ нимъ по вечерамъ въ первый мѣсяцъ ихъ пребыванія на сушѣ,—льгота, по совѣсти, не чрезмѣрная, потому что бѣдняги проводили на морѣ девять мѣсяцевъ, и многимъ было суждено не вернуться.

Въ гостиной принимали капитана судна, компаніона-судовладѣльца, директоровъ страховыхъ обществъ, пріѣзжавшихъ по случаю какой-нибудь аваріи, и въ то время, какъ мужчины разговаривали, хорошенькая ручка съ золотой цѣпочкой у кисти небрежно перелистывала иллюстрированныя страницы волшебныхъ сказокъ, и нѣжный женскій голосъ объяснялъ намъ картинки: приближался Новый годъ и время подарковъ. Но гораздо боль-

ше этихъ переплетенныхъ и золотообрѣзныхъ книгъ, гораздо больше ихъ великолѣпныхъ картинокъ любилъ я таинственныя исторіи, что рассказывали на кухнѣ, среди дрожащихъ отъ страха служанокъ, суровые люди въ фуфайкахъ и беретахъ. Ихъ исторіи казались мнѣ гораздо болѣе правдивыми, проникнутыми болѣе яркой и вмѣстѣ причудливой фантазіей, и среди этихъ матроскихъ рассказовъ особенно мнѣ нравился одинъ,—тоскливая и трепетная сѣверная сказка, которую я нашелъ въ послѣдствіи у Андерсена, но которая въ устахъ этихъ суровыхъ нью-фаунлендцевъ пріобрѣтала страстную силу и яркость видѣннаго и пережитого, потому что, несомнѣнно, они встрѣчались съ нею на бурномъ морѣ, во время своихъ опасныхъ плаваній,—съ этой блѣдной Царицей Снѣговъ, воспоминаніе о которой до сихъ поръ преслѣдуетъ меня.

Ахъ, эта Царица Снѣговъ, облитая громаднымъ заревомъ своего пустыннаго вѣчнаго дворца! Какъ я любилъ и боялся ее, эту окаменѣлую, погруженную въ летаргію царицу бѣлыхъ пчелъ, эту царственную дѣву блѣдныхъ полярныхъ пространствъ! Какъ я